

и братства, объединяющие все нации и народности СССР, высокая культура межнационального общения, нетерпимость к проявлениям национализма и шовинизма, национальной ограниченности и национального эгоизма, к обычаям и нравам, мешающим коммунистическому обновлению жизни и человека»³⁹.

Сам по себе процесс развития национальных отношений,— как подчеркивалось на XXVII съезде,— сложен и многогранен и поэтому требует к себе большего внимания партии. «В этих целях, нам кажется,— говорил в своем выступлении на XXVII съезде КПСС первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана К. Махкамов,— было бы целесообразно создать в структуре аппарата ЦК КПСС соответствующее подразделение, которое бы координировало весь комплекс вопросов в этом деле»⁴⁰. Динамичное развитие наций и народностей в сочетании с укреплением их интернациональной сплоченности становится важным фактором всестороннего совершенствования всей системы социализма. К современному анализу и решению возникающих в этой сфере задач привлечено внимание общественности. В полной мере они стоят и перед обществоведческим циклом наук⁴¹. Круг этих задач настолько широк, что, по мнению Председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР А. Восса, «представляется целесообразным поддержать предложение о создании специального научно-исследовательского центра, который мог бы вести систематическую научно-исследовательскую работу в области национальных отношений»⁴².

Упорный труд советского народа, крупные успехи в экономике, социальной и политической сферах, науке и культуре вывели нашу страну на современный этап развитого социализма. Гуманизм, интернационализм, равноправие и дружба всех наций и народностей СССР пронизывают современные национальные отношения, выступают как норма, как неотъемлемая черта советского образа жизни и советского народа — новой социальной и интернациональной общности людей.

³⁹ Программа КПСС.

⁴⁰ Правда, 1986, 28 февраля.

⁴¹ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории), М.: Наука, 1981, с. 343, 344; его же. Народы и их права.— Правда, 1986, 4 января.

⁴² Восс А. Союз нерушимый.— Коммунист, 1986, № 3, с. 51.

К. В. Чистов

В. И. ЛЕНИН И ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

Темы «Ленин и фольклор», «Ленин и русская фольклористика» разрабатывались в различных аспектах. Тщательно выявлены фольклорные цитаты в сочинениях В. И. Ленина, собраны его высказывания на фольклорные темы (преимущественно по воспоминаниям), изучались роль марксизма и В. И. Ленина в развитии русской дореволюционной и в формировании советской фольклористики и другие вопросы¹.

¹ Библиографию см. в соответствующих разделах пятитомного труда М. Я. Мельца «Русский фольклор»: библиографический указатель (1901—1975). Л., 1961—1985; см. также: Дымицкий А. Л., Соймонов А. Д. Введение.— В кн.: Русское народное поэтическое творчество. Т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII века. М.— Л., 1953, с. 67—87; Гусев В. Е. Марксизм и русская фольклористика конца XIX—начала XX века. М.— Л., 1961; Наследие Ленина и наука о литературе/Под ред. А. С. Бушмина. Л., 1969; Ленинское наследие и изучение фольклора/Отв. ред. В. Е. Гусев. Л., 1970; см. там же: В. И. Ленин и фольклор (Материалы к библиографии)/Сост. М. Я. Мельц, с. 182—196. Кроме того, см. соответствующие разделы в учебниках и учебных пособиях для вузов (важнейшие из них называются ниже).

В настоящей статье пойдет речь о современном состоянии периодизации истории русского фольклора в свете ленинской концепции истории русского крестьянства XIX—XX вв.² При этом надо иметь в виду, что В. И. Ленин не разрабатывал историю русского крестьянства как самостоятельную научную проблему ради нее самой. Его прежде всего интересовали судьба крестьян России в пореформенное время, когда страна встала на путь капиталистического развития, разоблачение народнической доктрины, связывавшей с крестьянством и крестьянской общиной будущее русского социализма, расстановка классовых сил в русском демократическом движении и русской революции, характер русской буржуазной революции и другие политические проблемы.

Вопросы периодизации истории русского фольклора довольно давно не обсуждались фольклористами. Не исключено, что некоторым современным исследователям возвращение к ним покажется анахронизмом. Действительно, казалось бы, ушла в далекое прошлое дискуссия, вызванная публикацией вульгарной по своей сути «исторической» программы по фольклору для вузов (составитель С. И. Василенок, редактор В. М. Сидельников. М.: Изд-во МГУ, 1949). Отшумела и ныне едва вспоминается и дискуссия, связанная с выходом в свет четырехтомника «Русское народное поэтическое творчество» (1952—1956), изданного Институтом русской литературы АН СССР и представлявшего значительно более серьезный опыт создания концепции истории русского фольклора.

Как будто прекратились попытки механического перенесения дробной периодизации гражданской истории на фольклор. В исследовательской сфере утвердилось убеждение, что история фольклора должна разрабатываться прежде всего как история жанров. В учебниках для вузов и педагогических институтов перешли к формационной периодизации: русский фольклор периода феодализма, периода капитализма и советского времени, причем основной массив известного русского фольклора связывается с феодальной формацией. Последнее, видимо, не так уж далеко от истины. Вместе с тем надо учесть, что фольклор периода феодализма обязан своим наиболее архаическим слоем (о котором у нас имеются, правда, лишь гипотетические представления) дофеодальному периоду.

В настоящей статье мы будем касаться лишь проблемы выделения периода капитализма и уяснения природы и характера фольклора этого периода. Данный вопрос может представить не только узко фольклористический интерес. Он важен для понимания судеб традиционно-бытовой культуры в целом и, следовательно, истории русской культуры в общенациональных масштабах.

С 1950-х годов и до настоящего времени³ характеристика истории русского фольклора периода капитализма строится в вузовских учебниках по единой схеме: с 1861 г. (объявление манифеста об отмене крепостного права) начинается период капитализма в России, ознаменовавшийся коренной ломкой общественных отношений, быта, народного мировоззрения и народного художественного творчества; фольклор периода феодализма воспринимается как наследие и изживается; на смену ему идут новые жанры — рабочая песня, рабочий сказ, революционная песня, частушка. При этом особенно охотно цитируются ленинские слова из последнего раздела книги «Развитие капитализма в России»: «Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка» (т. 3, с. 597—598)⁴.

² Предварительную публикацию см. *Чистов К. В.* История фольклора — история русского крестьянства. — В сб.: Основные направления в изучении фольклора. Тезисы докладов. Изд. Науч. совета по фольклору при ОЛЯ АН СССР. М., 1971, с. 11—16.

³ См. сравнительно недавно опубликованное учебное пособие для педагогических институтов: *Аникин В. П., Круглов Ю. Г.* Русское народное поэтическое творчество. Л.: Просвещение, 1983.

⁴ Здесь и далее в скобках указываются том и страница по Полному собранию сочинений В. И. Ленина.

Разумеется, под пером разных авторов эта схема приобретает некоторые оттенки, реализуется то совсем прямолинейно, то с отдельными разумными оговорками. Например, в ряде учебников все-таки признается, что фольклор предшествующей феодальной эпохи еще продолжает довольно активно бытовать, хотя и подвергается решительному переосмыслению и преобразованию. В таких случаях говорится о дальнейшем развитии реализма (или элементов реализма) в русском фольклоре этого периода, обострении социальных мотивов, развитии психологических мотивировок, образа крестьянина-бедняка, усилении антиклерикальных настроений и т. п.⁵

Выделяя период капитализма, авторы учебников, с одной стороны, следуют общенсторической периодизации, которую невозможно оспорить, с другой стороны, пытаются облегчить студентам уяснение общего хода истории русского фольклора XIX—XX вв., включая советское время. Все это можно понять, и подобная схема периодизации ничем не хуже, чем членение истории русского фольклора на два периода — дореволюционный и послереволюционный, которое мы находим в целом ряде учебных пособий, «методичек» для заочников и хрестоматий.

Авторы разделов о периоде капитализма обычно ссылаются в подкрепление своих идей на книгу В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», его статьи о Л. Н. Толстом и др. В связи с этим возникает вопрос: действительно ли однозначная характеристика русского фольклора второй половины XIX — начала XX в. как фольклора капиталистического периода согласуется с ленинской концепцией истории русского крестьянства пореформенного и дореволюционного периода?

Ленинская концепция развивалась в два этапа. Как известно, на первом этапе, который падает на середину 1890-х годов — начало XX в.⁶, основной задачей выступлений В. И. Ленина по аграрным проблемам было доказательство того, что Россия окончательно и бесповоротно встала на путь капиталистического развития. Ленин говорит о прогрессивности этого процесса. В отличие от народников Ленин показывает (и это очень важно), что распространение отношений капиталистического типа следует объяснять не развращающим влиянием города, от которого, как полагали народники, могло бы уберечь сохранение общины и общинных традиций. Деревня сама порождает капиталистические отношения. Пореформенное разорение крестьянства ведет к освобождению рабочих рук для капиталистических предприятий. Имущественная, а вслед за этим социальная дифференциация деревни превращает крестьянство из класса в классообразующую среду — формируются деревенская буржуазия и деревенский пролетариат. Община не уберегает беднейшее крестьянство и от этих процессов. Она все в большей мере становится послушным орудием в руках богатеев.

⁵ Назовем важнейшие: Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов/Под общ. ред. П. Г. Богатырева. Изд. 2-е. М.: Учпедгиз, 1956 (глава «Народное творчество эпохи капитализма и первой русской революции» написана автором настоящей статьи); *Чичеров В. И.* Русское народное творчество. М.: Изд-во МГУ, 1959; Русское народное поэтическое творчество/Под ред. А. М. Новиковой и А. В. Кокорева. М.: Высш. школа, 1969; Русское народное поэтическое творчество/Под ред. Н. И. Кравцова. М.: Просвещение, 1971; *Кравцов Н. И., Лазутин С. Г.* Русское устное народное творчество. Изд. 2-е. М.: Высш. школа, 1983; *Аникин В. П., Круглов Ю. Г.* Указ. раб. и др. См. также: Українська народна поетична творчість.— Київ: Радянська школа, 1965; Беларуская народная паэтычная творчасць/Под агульнай рэдакцыяй М. Р. Ларчанкі. Мінск: Навука і тэхніка, 1967; *Кабацінікаў К. П.* Ад традыцыйнага фальклору да рэвалюцыйнай паэзіі. Мінск, 1969; Беларуская народна-паэтычная творчасць. Мінск: Вышэйш. школа, 1979, и др.

⁶ См.: *Пеккер Я. И.* О книге В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». М., 1958; *Пашков А. И.* Экономические работы В. И. Ленина 90-х годов. М., 1960; *Дубровский С. М.* Столыпинская земельная реформа. М., 1963; В. И. Ленин и общественно-политическая мысль XIX—XX вв. М., 1969.

Эти ленинские идеи хорошо известны. Они сыграли значительную роль в формировании и развитии марксизма в России и ныне вошли в учебники по истории КПСС, истории СССР, по истории русского крестьянства, по аграрной истории России и т. д.

Ленин не только доказал, что Россия движется по пути капиталистического развития, но и выразительно сформулировал основную особенность развития капитализма в России. Реформы 60-х годов XIX в., открывшие возможность капиталистического развития, были осуществлены крепостниками и в интересах крепостников. Капиталистическое развитие происходило в стране, не пережившей буржуазной революции. Именно этот важнейший факт заставляет Ленина называть интересующий нас период «пореформенной, но дореволюционной эпохой» (т. 20, с. 22). В одной из более поздних своих работ В. И. Ленин пишет: «Помещичьи губернские комитеты в 1861 году и помещики — мировые посредники (они названы были мировыми, должно быть, потому, что мировили помещикам) — они так *освободили* крестьян, что *пятая часть* крестьянской земли оказалась отрезанной помещиками! Они так *освободили* крестьян, что за оставшийся у крестьян после этого грабежа надел заставили мужика платить *втридорога*! Ни для кого не тайна ведь, что при „выкупе“ 1861 года мужика заставили заплатить *гораздо больше того*, что земля стоила. Ни для кого не тайна, что мужика заставили тогда *выкупать* не только крестьянскую землю, но и *крестьянскую свободу*. Ни для кого не тайна, что „благодеение“ *государственного* выкупа состояло в том, что казна содрала с крестьян *больше денег* за землю (в виде выкупных платежей), *чем она отдала помещикам*! Это был братский союз помещика и „либерального“ чиновника для ограбления мужика» (т. 15, с. 131).

В важнейших работах этого периода — «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов», «Развитие капитализма в России», «Проект программы нашей партии», «Рабочая партия и крестьянство», «К деревенской бедноте», «Пролетариат и крестьянство», «О нашей аграрной программе» и др. — В. И. Ленин постоянно подчеркивает, что капиталистические отношения в России развиваются медленно и (это особенно важно) в своеобразной ситуации — при наличии значительных пережитков (или, точнее, «остатков») крепостнических отношений. В «Развитии капитализма в России» он пишет: «... на земледелии вообще и на крестьянстве в особенности тяготеют с наибольшей силой традиции старины, традиции патриархального быта, а вследствие этого — преобразующее действие капитализма (развитие производительных сил, изменение всех общественных отношений и т. д.) проявляется здесь с наибольшей медлительностью и постепенностью» (т. 3, с. 165). В этой же книге в главе «Рост торгового земледелия» Ленин уточняет: «Действительно важный вопрос относится вовсе не к форме землевладения, а к тем остаткам чисто средневековой старины, которые продолжают тяготеть над крестьянством: сословная замкнутость крестьянских обществ, круговая порука, непомерно высокое податное обложение крестьянской земли, не идущее ни в какое сравнение с обложением земель частного владения, отсутствие полной свободы мобилизации крестьянских земель, передвижения и переселения крестьянства» (т. 3, с. 322). В статье «Рабочая партия и крестьянство» (1901) Ленин вновь возвращается к этому: «И, взявши выкуп за личное освобождение, крестьян все же не сделали свободными людьми: их оставили на двадцать лет временнообязанными, их оставили — и они и по сию пору остаются — низшим сословием, подлежащим розге, платящим особые подати, не смеющим свободно выйти из полукрепостной общины, свободно распорядиться своей землей, свободно поселиться в любой местности государства» (т. 4, с. 429—430), или: «„Освобожденный“ от барщины, крестьянин вышел из рук реформатора таким забитым, обобранным, приниженным, привязанным к своему наделу, что ему ничего не оставалось, как „добровольно“ идти на барщину... Отработки и кабала — вот чем оказался на деле тот „свободный труд“, призвать на

который „божие благословение“ приглашал крестьянина манифест, составленный попом-иезуитом» (там же, с. 430—431) ⁷.

В работе «Что такое друзья народа...» В. И. Ленин говорит о «громадной быстроте» развития капитализма в стране в целом, о подрыве устоев старой России и вместе с тем о средневековой, полупфеодальной обстановке, патриархальном, полукрепостном крестьянстве, о том, что остатки средневековых, полукрепостнических учреждений так бесконечно еще сильны (т. 1, с. 251). В рецензии на книгу К. Каутского «Аграрный вопрос» Ленин приходит к выводу: процесс капитализации «быстро идет вперед», но вместе с тем «процесс коренного преобразования капитализмом всего сельского хозяйства только еще начинается» (т. 4, с. 93). Поэтому, доказав, что Россия уже вступила на путь капитализма и движется по этому пути, Ленин следующим образом характеризует тогдашнее сельское хозяйство: «... капиталистическое хозяйство не могло сразу возникнуть, барщинное хозяйство не могло сразу исчезнуть. Единственно возможной системой хозяйства была, следовательно, *переходная система* (курсив мой. — К. Ч.), система, соединявшая в себе черты и барщинной и капиталистической системы» (т. 3, с. 186). Примерно то же самое сказано и о степени социальной дифференциации крестьянства («Аграрный вопрос и „критики Маркса“»): «... процесс разложения крестьянства, который был подробно доказан русской марксистской литературой, в России находится на одной из начальных стадий развития» (т. 5, с. 187).

Именно поэтому в статье «Рабочая партия и крестьянство» Ленин предсказывает, что борьба сельских рабочих против кулачества в приближающейся революции не будет еще иметь общенационального значения. «Наоборот, вопрос о сметании остатков крепостничества, о вытравлении из всех порядков русского государства духа сословной неправопавности и принижения десятков миллионов „простонародья“ — этот вопрос уже сейчас имеет общенациональное значение, и партия, претендующая на роль передового борца за свободу, не может отстраниться от этого вопроса» (т. 4, с. 433).

Охарактеризованная выше система идей легла в основу первой аграрной программы большевиков. Ее важнейшими пунктами были требования возвращения крестьянам отрезков, т. е. бывших крестьянских участков, отобранных помещиками в ходе осуществления реформы 1861 г., и ликвидация (компенсация) всех крестьянских «долгов» и платежей, навязанных реформой. В статье «О нашей аграрной программе (Письмо III съезду)» в связи с этим говорится: «Социал-демократы... утверждают, что все крестьянство вряд ли *может* солидарно идти дальше требований возвращения отрезных земель, так как за пределами такого аграрного преобразования неизбежно выступит ярко антагонизм сельского пролетариата и „хозяйственных мужиков“» (т. 9, с. 357).

Второй этап развития ленинской концепции истории русского крестьянства пореформенного периода связан с революцией 1905—1907 гг. Крестьянские выступления, разрозненные и импульсивные, недостаточно освещенные политическим сознанием, были вместе с тем однозначны по своему социальному смыслу. Их антипомещичья направленность не вызывала сомнения. В статье «Мелкобуржуазный и пролетарский социализм» (1905) В. И. Ленин пишет: «Для марксиста крестьянское движение есть именно не социалистическое, а демократическое движение. Оно является и в России, как бывало и в других странах, необходимым спутником демократической революции, буржуазной по ее общественно-экономическому содержанию. Оно нисколько не направляется против основ буржуазного порядка, против товарного хозяйства, против капитала. Оно направляется, напротив того, против старых, крепостнических, докапиталистических отношений в деревне и против

⁷ Подробно о последствиях реформы см.: Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. Изд. 3-е. М., 1968; его же. Проведение в жизнь крестьянской реформы. М., 1958.

помещичьего землевладения, как главной опоры всех пережитков крепостничества» (т. 12, с. 41).

Опыт революции показал, что крестьяне вместе с тем в своей массе выступают не за раздел помещичьей земли и передачу её в частную собственность. Выявилась и приобрела значительную популярность идея передачи земли (причем всей: и помещичьей, и государственной, и удельной или кабинетской, и церковно-монастырской) в общенародную собственность. Здесь впервые на страницах сочинений В. И. Ленина появляется крестьянское выражение «земля божедкая», т. е. земля не должна принадлежать никому из людей, ею должен пользоваться тот, кто ее обрабатывает. Это характерное словосочетание будет в 1906—1910 гг. неоднократно встречаться в работах В. И. Ленина, особенно при анализе выступлений депутатов Думы — крестьян, трудовиков и эсеров. Корни, природа и история этого представления еще ждут своего исследователя. Оно, несомненно, одно из ключевых представлений для понимания истории социальной психологии и общественного сознания крестьянства. Установив его популярность в крестьянских массах эпохи революции 1905—1907 гг. и оценив его значение для правильного понимания крестьянских чаяний в специфической ситуации пореформенного периода, В. И. Ленин дал ему политико-экономическое истолкование, чрезвычайно важное для анализа аграрных отношений этого периода⁸.

Уже на Таммерфорсской конференции был поставлен вопрос о внесении существенных изменений в аграрную программу РСДРП. Было решено пункт о возвращении крестьянам отрезков снять как потерявший свою актуальность. Вместо него необходимо было ввести требование о конфискации всех помещичьих, удельных, кабинетских, церковно-монастырских и государственных земель и о создании самостоятельных организаций сельского пролетариата. Эти идеи получили свое отражение в ленинском проекте резолюции Таммерфорсской конференции (т. 12, с. 148—149). Вслед за этим В. И. Ленин публикует статью «Пересмотр аграрной программы рабочей партии». В ней он пишет о крестьянском движении в первой русской революции: «Это движение, как всякое глубокое народное движение, вызвало уже и продолжает вызывать громадный революционный энтузиазм и революционную энергию крестьянства. В своей борьбе против помещичьей собственности на землю, против помещичьего землевладения, крестьяне с необходимостью доходят и дошли уже, в лице передовых своих представителей, до требования отмены всей частной собственности вообще.

Что идея общенародной собственности на землю чрезвычайно широко бродит теперь в крестьянстве, это не может подлежать ни малейшему сомнению. И несомненно также, что, несмотря на всю темноту крестьянства, несмотря на все реакционно-утопические элементы его пожеланий, эта идея, в общем и целом, носит революционно-демократический характер» (т. 12, с. 252—253). В связи с этим В. И. Ленин на IV объединительном съезде предлагает проект новой аграрной программы социал-демократии, главным пунктом которой теперь оказывается требование национализации земли.

В статьях 1906—1910 гг. В. И. Ленин постоянно возвращается к вопросу о степени единства крестьянского движения в революции и о значении для этого единства борьбы с пережитками феодальных отношений в сельском хозяйстве. Он неоднократно пишет о том, что для русской буржуазной революции специфичен именно ее крестьянский

⁸ Об этом см.: *Дубровский С. М.* Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. М., 1956; *Перишин П. Н.* Аграрная революция в России. Кн. I. От реформы к революции. М., 1966; *Яковлев Н. Н.* Некоторые вопросы истории революции 1905—1907 гг. — В сб.: В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968, с. 222—237; *Лещенко Н. Н.* В. И. Ленин о союзе рабочего класса и крестьянства в период первой русской революции. — Там же, с. 238—252; *Трапезников С. П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. I. Аграрный вопрос и ленинские аграрные программы в трех русских революциях. Изд. 3-е. М., 1983.

характер. Для понимания же настроений и чаяний крестьянства перво-степенное значение имеет их антифеодальная направленность или, точнее, энергия борьбы крестьянства с избыточными пережитками крепостничества. В статье «Перед бурей» В. И. Ленин отмечает: «Серый русский мужик перестал быть политическим сфинксом» (т. 13, с. 334). В связи с этим вновь встает вопрос о степени развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве и их соотношения с пережитками крепостнического или полукрепостнического характера. В. И. Ленин снова обращается к этому вопросу в целой серии своих работ тех лет («Крестьянская или „трудовая“ группа и РСДРП», «Вопрос о земле и борьба за свободу», «Накануне», «Эсеровские меньшевики», «Опыт классификации русских политических партий», «Политическое положение и задачи рабочего класса», «О природе русской революции» и, конечно, прежде всего в работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг.», в известных статьях о Толстом и о пятидесятилетии крестьянской реформы 1861 г.). Углубляя и уточняя свою концепцию истории русского крестьянства в пореформенный период, В. И. Ленин говорит в эти годы о необходимости корректировать первую аграрную программу в свете опыта революции 1905—1907 гг. С особенной ясностью это сформулировано в «Аграрной программе»: «... верно определяя *направление* развития, мы неверно определили *момент* развития. Мы предположили, что элементы капиталистического земледелия уже вполне сложились в России, сложились и в помещичьем хозяйстве (минус кабальные „отрезки“ — отсюда требование отрезков), сложились и в крестьянском хозяйстве, которое казалось выделившим крепкую крестьянскую буржуазию и неспособным поэтому к „крестьянской аграрной революции“. Не „боязнь“ крестьянской аграрной революции породила ошибочную программу, а *переоценка степени* капиталистического развития в русском земледелии. Остатки крепостного права казались нам тогда мелкой частностью, — капиталистическое хозяйство на наделной и на помещичьей земле — вполне созревшим и окрепшим явлением.

Революция разоблачила эту ошибку. Направление развития, определенное нами, она подтвердила» (т. 16, с. 268—269) ⁹.

Выявилась также переоценка степени расслоения крестьян. В. И. Ленин пишет: «Никто не мог с уверенностью сказать наперед, насколько расслоилось крестьянство под влиянием частичного перехода помещиков от отработков к наемному труду. Никто не мог учесть, как велик слой сельскохозяйственных рабочих, создавшийся после реформы 1861 года, насколько обособились их интересы от интересов разоренной крестьянской массы» (там же, с. 234) или: «... вопрос о том, насколько разложилось уже капиталистически наше крестьянство, насколько способно оно к революционно-демократическому перевороту, слишком трудно или невозможно было бы решить на основании одних теоретических соображений» (там же, с. 233).

Эти проблемы начали проясняться только к весне 1905 г., когда крестьянское движение приобрело действительно широкий размах. Крестьянство пошло много дальше, чем требование возврата отрезков, — оно стало требовать всю помещичью землю. «На этой ошибке (т. е. на требовании возврата отрезков. — К. Ч.) неразумно настаивать теперь, когда нас многому научила революция» (т. 12, с. 250).

В связи с этим возник вопрос, передавать ли конфискованную помещичью, государственную, монастырскую и т. п. землю в частную собственность мелким землевладельцам. Ленин призывает подходить

⁹ Подробнее о пересмотре аграрной программы см.: Трапезников С. П. Указ. раб. (гл. V. Разработка Лениным аграрной программы РСДРП, с. 134—174); см. также: Дубровский С. М. К вопросу об уровне развития капитализма в России и характере классовой борьбы в деревне в период империализма. М., 1960; Материалы конференции «Сельское хозяйство и крестьянство в России в период империализма». Ин-т истории АН СССР. М., 1965: История КПСС в 6-ти томах. Т. II. М., 1966, с. 178—187.

к этому вопросу с большой осторожностью. Он выдвигает лозунг: «Против помещичьей собственности за крестьянскую собственность при существовании частной собственности на землю вообще. Против частной собственности на землю за национализацию земли *при определенных политических условиях*» (т. 12, с. 254). Известно, что данный вопрос вызвал на IV съезде разногласия не только между большевиками и меньшевиками (последние настаивали на муниципализации земли), но и среди большевиков (сторонники предложенной Лениным национализации и так называемые «разделисты»)¹⁰.

Мы не будем рассматривать этот вопрос подробнее. Отметим лишь, что для В. И. Ленина он имел далеко не академический характер. Меньшевики и «разделисты» исходили из того, что после раздела земли должен пройти определенный период капиталистического развития сельского хозяйства, очищенного от феодальных пережитков. Только противоречия, которые созреют в результате подобного развития, могут привести к революции социалистической. В отличие от них В. И. Ленин, исходя из крестьянской, народной сути буржуазной революции в России, говорил о радикализме крестьянского движения, народном его характере, о возможности союза рабочего класса и крестьянства в борьбе с властью помещиков и капиталистов.

Характерно, что именно в эту пору, так же как в 1917—1918 гг., на страницах сочинений В. И. Ленина, всегда ратовавшего за классовый подход к любому вопросу, появляется слово «народ» как политический термин и производные от него «народный» и «народное творчество» в смысле народного политического творчества масс (см., например, т. 12, с. 317, 330, 334, 366; т. 13, с. 23, 25; т. 16, с. 325 и др.; т. 34, с. 305, 310; т. 35, с. 26, 61)¹¹.

Итак, В. И. Ленин доказал, что Россия во второй половине XIX в. бесспорно вошла на путь капитализма, однако это развитие было отягощено многочисленными пережитками феодальных отношений. Уже на первом этапе развития своей концепции истории русского крестьянства пореформенного периода В. И. Ленин охарактеризовал этот период как переходный, для которого, если речь идет о сельском хозяйстве, была характерна только самая начальная стадия развития отношений капиталистического типа: На втором этапе развития концепции представления о силе пережитков крепостничества были уточнены — их роль в историческом развитии России оказалась еще сильнее, чем предполагалось. В цитированной уже работе В. И. Ленина «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг.» читаем: «Рассуждая с чисто экономической точки зрения, мы безусловно должны признать *максимум* (курсив мой. — К. Ч.) остатков феодализма в русском землевладении, и помещичьем и крестьянском надельном. При таких условиях противоречие между сравнительно развитым капитализмом в промышленности и чудовищной отсталостью деревни становится вопиющим и толкает, в силу объективных причин, к наибольшей глубине буржуазной революции, к созданию условий наиболе́йшего агрикультурного прогресса» (т. 16, с. 301).

Следовательно, в разных сферах социальной, политической и экономической жизни степень развития капиталистических отношений и степень их отягощения пережитками феодализма была далеко не одинаковой. Если В. И. Ленин уже на первом этапе развития своей концепции говорит о «переходной системе», то, учитывая коррективы, внесенные им в эту концепцию на втором этапе ее развития, в процессе осмысления опыта революции 1905—1907 гг., тем более следует пореформенный и дореволюционный период в истории сельского хозяйства России при-

¹⁰ См.: Трапезников С. П. Указ. раб., с. 140 и сл.; Першин П. Н. Указ. раб. (разделы «Основные положения ленинского учения о национализации земли», «Ленинская критика программ раздела земли» и «Критика аграрной программы кадетов и эсеров»), с. 200—225.

¹¹ Ср. Гусев В. Е. В. И. Ленин о народе и проблемы русской фольклористики конца XIX — начала XX века. М.—Л., 1961, с. 96—127.

нать периодом переходным от феодализма к капитализму. Эта особенность русской истории очень важна для понимания судеб традиционной культуры.

Изменения даже в сфере экономики сельского хозяйства, не говоря уж о сферах политической и социально-психологической, наметились, обозначились, стали давать знать о себе, но они были еще не столь велики. К такому убеждению В. И. Ленин пришел в 1905—1906 гг., что и давало ему право говорить о Л. Н. Толстом, отразившем идеологию и психологию патриархального крестьянства, как о «зеркале русской революции». Патриархальное крестьянство по-прежнему (несмотря на развитие неземледельческого отхода, миграций, рост батрачества и других явлений, которые хорошо передает емкое слово «раскрестьянивание») составляло большинство русского крестьянства и, следовательно, большинство русского народа той поры. Это также давало В. И. Ленину право, например, пользоваться возникшей в XVIII в. украинской народной песней «Ой, царица Катерина» для характеристики выступления крестьянского депутата в Думе или интересоваться в 1918 г. для понимания крестьянского отношения к армии и войне рекрутскими причитаниями, записанными Е. В. Барсовым в 1867—1868 гг. от И. А. Федосовой. В том же 1918 г. В. И. Ленин, как известно, читал тексты из сборников Н. Е. Ончукова и В. Н. Добровольского, записанные в конце XIX — начале XX в., и говорил о желательности обобщения опубликованных в них материалов под социально-политическим углом зрения, что было бы, по его словам, очень важно для понимания чаяний и ожиданий народных и народной психологии «в наши дни», т. е. в ходе революции¹².

Таким образом, выясняется, что ленинское понимание истории русского крестьянства пореформенного периода отражается в бытующей в нашей фольклористике периодизации русского фольклора по крайней мере неточно и односторонне. Какие бы ни делались при этом оговорки, данный период однозначно именуется капиталистическим. Между тем, если не переносить механически общесторическую периодизацию на историю крестьянского быта, то вслед за В. И. Лениным следует признать этот период в истории крестьянской социальной психологии и фольклора переходным.

В нашей этнографии не обсуждался вопрос о периодизации истории традиционно-бытовой культуры восточных славян. Однако в силу ряда причин сложилось устойчивое представление, согласно которому реконструируемая этнографами система архаической традиционно-бытовой культуры датируется формулой «конец XIX — начало XX в.», т. е. принята не столько абсолютная, сколько относительная датировка, что безусловно адекватно природе и закономерностям развития традиционно-бытовой культуры. Разумеется, фиксируются (когда для этого оказывается достаточно достоверный материал) элементы, позволяющие говорить о воздействии города на крестьянскую культуру интересующих нас десятилетий, о признаках урбанизации крестьянской культуры. Процессы эти только начинались. Традиционно-бытовая культура в известном нам архаическом варианте XIX в. (как застала ее этнография в пору своего формирования) еще представляла собой продуктивную систему, способную не только усваивать, но и перерабатывать усвоенные элементы или комплексы культуры. Эти процессы ускоряются с начала 1920-х годов. Позже, в ходе коллективизации сельского хозяйства, культурной революции 1920-х — 1940-х годов, интенсивных миграций в города, еще позже — развития всеохватывающей системы технических средств массовой информации и других факторов, достаточно известных читателю, устойчивые и длительное время сохранявшиеся целостность и самостоятельность крестьянской традиционно-бытовой культуры начинают активно размываться. Происходит культур-

¹² Бонч-Бруевич В. Д. В. И. Ленин об устном народном творчестве. — Сов. этнография, 1954, № 4, с. 117—131.

ная переориентация основной массы сельских жителей на современный городской комплекс культуры.

Какие же материалы используются при реконструкции архаической системы крестьянской культуры, о которой идет речь? Прежде всего собранные во второй половине XIX — начале XX в. материалы 1920-х годов или более поздние, в которых все большую и большую роль играют воспоминания информаторов и вещи, утратившие свои бытовые функции. Основными информаторами при этом были представители старшего поколения сельских жителей, родившиеся в последнее десятилетие прошлого века.

Изучая изменения, происшедшие в ходе социалистического преобразования, мы считаем состояние бытовой культуры «в конце XIX — начале XX в.» стартовым, мерой отсчета, наследием, которое досталось поколениям советского времени.

Думается, что эта эмпирически сложившаяся концепция верна, ее формирование оказалось возможным как раз потому, что деревня пореформенной поры в основном сохраняла свой традиционный быт, традиционный образ жизни, традиционную психологию. Это не значит, что никаких изменений не происходило. Пореформенное время вовсе не было временем стагнации культуры. Однако крестьянская традиционная культура еще не претерпевала *принципиальных* изменений, коренных преобразований, урбанистической переориентации.

Для структуры русской национальной культуры этого времени было весьма характерно сочетание высших достижений мировой науки, литературы, изобразительного искусства и архаического моря русской деревни, неграмотной, отрешенной от этих достижений русской профессиональной культуры, все еще патриархальной по своей природе¹³.

Это был именно переходный период. Капиталистические отношения в сельском хозяйстве начали развиваться, но замедленно, они были отягощены многими феодальными пережитками, быт деревни и психология крестьянства, как говорит об этом В. И. Ленин, все еще были патриархальными, полукрепостническими или полусредневековыми по своему характеру. Основной социальный конфликт между помещиками и пореформенным крестьянством не могли разрядить ни сезонные миграции в города крестьян, все еще связанных с наделом и общиной, все еще не освободившихся от кабальных платежей, ни переселения в Сибирь, ни столыпинские отруба и хутора.

Разумеется, разные сферы традиционно-бытовой культуры развивались неравномерно. Это особый и сложный вопрос, который не может быть обсужден в рамках настоящей статьи.

Вернемся к фольклорным проблемам. Прежде всего обращает на себя внимание важнейшее и несомненное обстоятельство: основной массив классического русского фольклора известен нам именно в записях второй половины XIX — первых трех десятилетий XX в.¹⁴

Исследователи накопили много фактов, предположений, гипотез, касающихся изменений, происходивших в русском фольклоре 1861—1917 гг. В середине 1950-х годов был предпринят опыт обобщения всех этих материалов. Результаты его опубликованы во 2-й книге II тома многотомника «Русское народное поэтическое творчество»¹⁵, который и вызвал упоминавшуюся уже дискуссию. В последующие годы были заново изучены судьбы основных жанров в интересующий нас период: сказки (Э. В. Померанцева), лирической песни (Н. П. Колпакова,

¹³ Подробнее см. *Чистов К. В.* Важнейшие особенности русской культуры XIX—XX вв. Наука и литература. Профессиональное искусство.— В кн.: Народы Европейской части СССР (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). Т. I. М., 1964, с. 558—571.

¹⁴ См.: *Пыпин А. Н.* История русской этнографии. Т. II. СПб., 1891; *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. Т. II. М., 1963; *Токарев С. А.* История русской этнографии. М., 1966.

¹⁵ Русское народное поэтическое творчество. Т. II, кн. 2. Очерки по истории русского народного поэтического творчества второй половины XIX — начала XX века. М.—Л., 1956.

С. Г. Лазутин, Т. М. Акимова), былины (А. М. Астахова, В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов), причитания (К. В. Чистов, В. Г. Базанов, Ю. Г. Круглов), народного театра (Н. И. Савушкина, В. Е. Гусев, А. Ф. Некрылова), нескладочной прозы (К. В. Чистов, В. К. Соколова, Э. В. Померанцева). Накоплено много наблюдений, но не обобщен материал по обрядовой песне. Все эти исследования нуждаются в критическом осмыслении и подытоживании. Однако уже сейчас можно уверенно сказать, что концепция, согласно которой история русского фольклора второй половины XIX—начала XX в. (т. е. периода пореформенного и дореволюционного) четко выделяется в особый период, однозначно характеризующийся как «период капитализма», не выдерживает проверки. Это типичный переходный период, причем основные жанры крестьянского фольклора не претерпевают в это время принципиальных изменений.

Так, Э. В. Померанцева в заключительной главе своей книги «Судьбы русской сказки» пишет: «Русская фольклорная сказка в XVIII—XX вв. всецело живет своим старым багажом, запасом традиционных схем, сюжетов, мотивов, образов, лишь приспособляясь к новой действительности, но в корне не изменяясь и продуктивно не развиваясь. Новая действительность, воздействуя на характер ее интерпретации, на ее роль в жизни и быту народа, отражается, однако, в ней лишь в деталях, изменяющих традиционную основу, но не создает новых фольклорных сюжетов и образов.

Сопоставляя варианты сюжетов сказок, зафиксированных в XVIII, XIX и XX вв., мы увидим между ними намного больше совпадений, чем различий, причем совпадений гораздо более весомых, чем расхождения. Традиция оказывается сильнее тех новаций, которые приводит в сказку новая действительность»¹⁶.

Примерно к такому же выводу приходит Н. П. Колпакова в главе «Исторические судьбы народных бытовых песен» известной монографии «Русская народная бытовая песня»: «Все эти произведения народного традиционного песенного творчества — одни в большей степени, другие в меньшей — к началу XX века были распространены и любимы по всей России, составляли неотъемлемую часть народной художественной культуры. О насыщенности народной жизни в ту пору традиционной бытовой песней говорит как огромное количество ежегодно собиравшихся текстовых и музыкальных материалов, так и множество фольклорных и этнографических наблюдений, публиковавшихся на страницах различных изданий»¹⁷. К сходным выводам приходит и С. Г. Лазутин в книге «Очерки по истории русской народной песни» (Воронеж, 1964).

Н. П. Колпакова, так же как Э. В. Померанцева, убедительно показывает, что переломным этапом в истории народной песни (Э. В. Померанцева — сказки) была не вторая половина XIX в., а послереволюционные десятилетия, особенно 30—40-е годы.

А. М. Астахова в своей последней книге «Былины. Итоги и проблемы изучения» (М.—Л., 1966) говорит о второй половине XIX и первых трех десятилетиях XX в. как о периоде продуктивном, но вместе с тем завершающем историю русского эпоса.

Б. Н. Путилов в специальной статье «Севернорусская былина в ее отношении к древнерусскому эпосу» следующим образом подытоживает наши знания о позднем этапе бытования русского эпоса: «Среда, продолжавшая хранить и передавать из поколения в поколение былинную поэзию, воспринимала и трактовала ее как память о далеком прошлом, как историю „иного“ времени, преемственно связанного с временем нынешним, но качественно отличавшегося от него. При всем том былины в общем составе русского фольклорного репертуара не были художественным анахронизмом. Они вполне естественно и гармонично укладывались в этот состав, обнаруживая многообразные — иногда лежащие на поверхности, иногда глубоко скрытые — связи с другими тра-

¹⁶ Померанцева Э. В. Судьбы русской сказки. М., 1965, с. 203.

¹⁷ Колпакова Н. П. Русская народная бытовая песня. М.—Л., 1962, с. 247.

диционными жанрами народной поэзии и с другими видами народного искусства»¹⁸.

Аналогичные процессы происходят и в сфере исторической песни. Как и былины, исторические песни (если исключить два сборника — Кирши Данилова и Киреевского) известны нам преимущественно по записям второй половины XIX и первых десятилетий XX в.

Изучение причитаний показало, что этот импровизационный жанр более чутко реагировал на исторические изменения крестьянского быта, однако никаких достоверных сведений об угасании жанра причитаний в интересующий нас период нет. Здесь также довольно четко выделяется вторая половина XIX — первые десятилетия XX в. как переходный период, предшествующий коренным преобразованиям, совершившимся в 30-е годы нашего столетия.

Итак, ленинская концепция истории русского крестьянства пореформенного периода подтверждается этнографическими и фольклорными материалами. Необходимо отказаться от прямолинейной и однозначной характеристики этого периода в истории русского фольклора (и, полагая, с таким же основанием в истории традиционно-бытовой культуры крестьянства) как «периода капитализма». Верное для общеоисторической периодизации, это обозначение пореформенного периода не должно механически переноситься на столь традиционную и медленно меняющуюся сферу, как традиционно-бытовая культура, и тем более фольклор.

Дело, разумеется, не просто в способе обозначения периода, его названия. Оно всегда условно. Проблема заключается в понимании характера этого периода, его исторической роли и значения в свете ленинской концепции истории русского крестьянства. Как мы видели, школярская прямолинейность, вульгаризация и непонимание механизма отражения фольклором исторической действительности приводят к необоснованной периодизации, различного рода преувеличениям, произвольным предположениям и неточностям.

¹⁸ Пугилов Б. Н. Севернорусская былина в ее отношении к древнерусскому эпосу. — В сб.: Фольклор и этнография русского Севера. Л.: Наука, 1973, с. 173.

К. П. Боришполец, Ш. З. Султанов

КОНЦЕПЦИИ И МЕТОДЫ ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

Современная политическая обстановка в ряде районов земного шара наглядно подтверждает ленинские слова: «Нельзя категорически утверждать, не рискуя впасть в доктринерство, что невозможно временное появление на авансцене политической драмы и того или другого национального вопроса»¹.

В последнее десятилетие особенно резко возросло значение национальных проблем в жизни подавляющего большинства молодых независимых государств. Многие страны столкнулись с теми или иными формами этнических конфликтов. Практически повсеместно происходит процесс политизации межэтнических отношений. Кроме того, весь комплекс проблем, связанных с национальными отношениями, стал в настоящее время предметом острой идеологической борьбы.

В связи с этим значительный интерес представляет вопрос о комплексном анализе этнонациональных проблем в развивающихся стра-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 239.